

ЕКАТЕРИНА МОРДВИНЦЕВА

ТАЙНЫ ГЕРЭЛЬВАЛЬДА.
ЗАМОРОЖЕННОЕ
СЕРДЦЕ КОРОЛЯ

Екатерина Мордвинцева

Тайны Герэльвальда.

Замороженное сердце короля

<https://litres.ru/74211369>

Аннотация

Антуана знала лишь нужду, упреки и предательство родни. Когда ее жизнь должна была стать разменной монетой в грязной сделке, единственным спасением стал дерзкий обман. Теперь она — не та, кем кажется. Она среди блеска и роскоши королевского замка, где каждая из претенденток на руку короля Дэймона — ее враг.

С первой секунды ледяной взгляд короля пронзил ее насквозь. С первого тихого слова между ними вспыхнуло напряжение, грозящее сжечь все маски. Но под прицелом завистливых глаз и темной магии Антуана должна выстоять. Потому что если тайное станет явным, ее ждет не трон, а позор и гибель...

Книга участвует в ЛитМобе "Морозная_любовь"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Глава 1

Холод был не просто отсутствием тепла в этой крошечной каморке, бывшей кладовой между кухней и хлевом. Он был материальным, почти осязаемым существом, которое рождалось в промерзших насквозь стенах из дикого камня, вырастало из щелей в полу и прогнивших ставнях, и медленно, неумолимо заполняло собой все пространство, вытесняя последние крупницы тепла и надежды. Он впивался в обнаженную кожу тысячами невидимых ледяных игл, заставляя тело сжиматься в тщетной попытке сохранить жалкие остатки собственного тепла. Сквозь единственное маленькое оконце, затянутое мутной заледеневшей пленкой, пробивался бледный, ущербный свет зимней луны, смешиваясь с дрожащим светом огарка сальной свечи, стоявшей на перевернутом ящике, служившем единственной мебелью в этом помещении, кроме грубого соломенного тюфяка в углу.

Антуана сидела, поджав под себя окоченевшие ноги, на голом каменном полу, стараясь не думать о пронизывающей сырости, что медленно поднималась от камней и впитывалась в тонкую шерсть ее платья, когда-то добротного, а теперь истончившегося до дыр на локтях и коленях. Она пыталась вдеть нитку в иголку. Это была ее вечерняя рутина, борьба с неизбежным распадом ее скудного имущества. Пальцы, распухшие и покрасневшие от постоянной работы с

ледяной водой и колкими дровами, отказывались слушаться, больше напоминали неуклюжие деревянные чурбаки. Каждая неудачная попытка отзывалась крошечным, но раздражающе точным уколом, капель боли в море общего онемения и усталости, копившейся в ней годами.

Вокруг, рожденные пляшущим пламенем свечи, на стенах танцевали гигантские, искаженные тени. Они казались призраками ее несбывшихся надежд, пародией на ту жизнь, которую она когда-то, в самом раннем детстве, считала своей нормой. Воздух в комнате был спертым и тяжелым, пах пылью, холодной землей, кисловатым ароматом подгнивающих яблок, хранившихся в соседнем помещении, и едким дымом от плохой свечи. Когда-то, очень давно, запах яблок ассоциировался у нее с уютом, с мамиными пирогами. Теперь он вызывал лишь горькую тошноту. Он был частью чужого дома, чужого благополучия, к которому у нее не было и не могло быть ключа.

Щелк... Нитка снова промахнулась мимо ушка иглы, дрогнув в ее неуверенных пальцах. Антуана сдержала раздраженный вздох, закрыла на мгновение глаза, давая себе короткую передышку. Она потерла онемевшие пальцы, пытаясь вернуть им хоть каплю гибкости, и ее взгляд упал на тонкую, почти невесомую серебряную цепочку на ее запястье. Она была так тонка, что почти впивалась в кожу, и на ней висела маленькая, величиной с ноготь, подвеска в виде цветка лилии, покрытая тончайшей синей эмалью. Един-

ственная вещь, оставшаяся от прежней жизни. Единственное, тайное доказательство, что когда-то все было иначе. Что у нее были родители, свой дом, свое место у камина, книги, платья, тепло и безопасность. Пока не случился тот пожар... Она резко, почти болезненно, отвела глаза, заставляя себя не думать об этом. Запрещала себе. Воспоминания были еще одним, куда более изощренным видом холода, пронзающим душу.

Внезапно дверь в ее конуру с громким, скрежещущим скрипом, который всегда заставлял ее вздрагивать, распахнулась. Без стука, без предупреждения, как будто входили не в жилое помещение, а в сарай. В проеме, заслонив собой тусклый свет из коридора и впустив внутрь порыв ледяного воздуха, стояла тетка Урсула. Ее мощная, широкая в кости фигура в простом, но добротном, теплом платье из грубой темно-серой шерсти казалась незыблемым монолитом, воплощением того мира, который Антуана ненавидела и который давил ее все эти годы.

— Доченька моя, Лилия, простудилась, кашляет, — голос тетки был ровным, плоским, без единой нотки беспокойства, просьбы или даже простого человеческого участия. Он просто констатировал факт, как смену времени года или необходимость починить забор. — Печку в большой комнате истопить нужно. Основательно, чтобы до утра жарко было. Дров принеси из поленницу у сарая, что поправей. И побыстрее, нечего тут в темноте, как сова, глазеть. Дела есть поважнее.

Антуана молча кивнула, опустив глаза и сжав в кулаке иголку, чтобы та не выпала из дрожащих пальцев. Поднять взгляд на тетку означало бросить вызов, пригласить к конфронтации, а на это у нее не оставалось ни сил, ни духа, ни права. Она была должником, вечным просителем, и милость, оказанную ей когда-то — крышу над головой и миску хлеба, — приходилось отрабатывать каждую секунду своей жизни. Тетка, фыркнув — ее обычная, универсальная реакция на все, что делала или не делала Антуана, — развернулась и ушла, тяжело ступая по половицам. Она оставила за собой шлейф запахов — лукового супа, влажной овечьей шерсти и чего-то кислого, нездорового, что всегда исходило от ее кожи и одежды.

Выбравшись из своей конуры, Антуана прошла по длинному, темному, продуваемому всеми ветрами коридору, который отделял «хозяйственную» часть дома от жилой. Здесь, в пристройке, царил тот же холод и запустение, что и в ее комнате. Но стоило ей толкнуть тяжелую, скрипучую дверь в основную часть дома, как ее обдало волной тепла, света и звуков. Здесь пахло по-другому — жареным на вертеле мясом, свежим, только что испеченным хлебом, ароматным дымом от добротного горящего в большом камине дуба и воском от дорогих свечей. Из-за двери в большую комнату доносились оживленные голоса — звонкий, беззаботный смех ее кузенов, спокойный, басистый говор дяди Генриха, воркование тетки Урсулы, внезапно ставшей ласковой и заботливой.

Это был островок тепла, света, семейного уюта и сытости, до которого ей не было дела. Она была призраком в этом доме, невидимой служанкой, тенью, чье существование замечали лишь тогда, когда что-то было не сделано или сделано недостаточно быстро, недостаточно хорошо.

Морозный воздух во дворе ударил в лицо, как обухом, заставив ее вздрогнуть всем телом и на мгновение перехватить дыхание. Было так холодно, что воздух обжигал легкие. Небо над головой было черным, беззвездным, будто выкрашенным густой-густой сажей, и только бледный, тощий, кривой месяц, похожий на серп для жатвы несчастий, бросал на заснеженную землю призрачное, обманчивое сияние, превращая глубокие сугробы в груды тусклого, мертвенного серебра.

Антуана, кутаясь в свой жидкий, продуваемый насквозь плащ из самой грубой ткани, какой только можно себе представить, побрела, утопая по колено в снегу, к дальней поленнице, сложенной у стены сарая. Именно эту, наветренную сторону, тетка и велела использовать — дрова здесь были самые сырые, самые неудобные для колки, и отдать предпочтение им было ее, Антуаны, маленькой, ежедневной жертвой во имя благополучия семьи.

Дрова действительно были сырыми, обледеневшими, покрытыми коркой наста. Топор, тяжелый и неудобный, при ударе отскакивал, оставляя лишь белесые зарубки, и звонко, обиженно визжал, будто протестуя против такой непосиль-

ной работы. С каждым взмахом в плечах, спине и предплечьях Антуаны завязывались тугие, болезненные узлы, знакомые до тошноты. Она работала автоматически, ее сознание, спасаясь от унижительной реальности, уносилось далеко-далеко, в смутные, расплывчатые, но оттого не менее ценные воспоминания.

Она почти физически ощутила сладкий, дурманящий запах жасмина в саду их старого, светлого дома, вкус еще теплого, хрустящего хлеба с золотистой корочкой, который пекла мать, и то абсолютное, всепоглощающее тепло и безопасность ее нежных, мягких рук, что когда-то прижимали дочку к себе, шепча на ночь старые добрые сказки о рыцарях и феях.

Потом в памяти, как кинжальный удар, вспыхнуло другое — ослепительный, пожирающий все огонь. Душераздирающие крики. Удушающий, едкий запах гари, который навсегда въелся в ее память и иногда возвращался к ней в кошмарах. И долгие, серые, бесконечные годы после — жизнь на птичьих правах у «милосердной» родни, которая ни на день не забывала напоминать, какой обузой, какой непосильной ношей она для них является, и как им, бедным, приходится тянуть на себе этот воз ее содержания.

Внезапно, резко и грубо, ее отвлек от тягостных воспоминаний приглушенный, но отчетливый разговор, доносящийся из-за угла дома, из приоткрытого окна в кабинет дяди. Голос тетки Урсулы, но теперь в нем слышалась непривычная,

подобострастная, заискивающая нотка, которая резала слух своей неестественностью и фальшью.

— ...конечно, мессир Гринфес, мы все прекрасно понимаем. Вы оказываете нам великую честь своим вниманием. Девочка у нас работающая, крепкая, как молодая лошадка. Никаких лишних, глупых мыслей в голове. Полная покорность, я вам лично гарантирую. Она с младых ногтей привыкла слушаться старших.

И другой голос — мужской, густой, маслянистый, словно несвежий, засахарившийся мед, но с неприятной, влажной хрипотцой на дне, будто в горле у говорящего застряли крошки, и он никак не может прочистить его.

— Это меня радует, дорогая Урсула. Очень радует. Я ценю подобную скромность и воспитанность. В наше время, поверьте, это редкое, я бы сказал, исчезающее качество. И я, разумеется, как человек честный и благородный, готов вознаградить ее соответствующим образом. Двадцать золотых вперед. Как бы аванс, за добрую волю. И еще двадцать, когда она окончательно освоится в моем доме и в полной мере поймет свои новые, почетные обязанности.

Ледяная струя, куда более страшная и пронзительная, чем самый лютый зимний ветер, пробежала по спине Антуаны, сковывая каждую мышцу. Она замерла, вцепившись в рукоять топора так, что ее побелевшие, окостеневшие от холода суставы затрещали. Сердце заколотилось где-то высоко в горле, громко, неровно, прерывисто и так сильно, что ей по-

казалось, его дикий стук слышно даже через завывание ветра и треск льда. Мессир Гринфес... Теодор Гринфес... Крупный торговец, важный член гильдии, человек с маленькими, жадными, бегающими глазками-бусинками и влажными, пухлыми, всегда чуть приоткрытыми губами, который как-то раз, проезжая мимо, смотрел на нее, разгружавшую телегу с сеном, так, будто она была не человеком, а товаром на полке, а он — придирчивым, взыскательным покупателем, оценивающим качество мяса.

Она не слышала больше ни слова. Ее мир, и без того крошечный и убогий, сузился до обледеневшего топора в ее окоченевших руках, до желтого, манящего и одновременно отталкивающего прямоугольника окна, за которым маячили неясные, но страшные в своей обыденности силуэты, до этого маслянистого, хриплого голоса, который всего парой небрежных фраз выносил ей окончательный и бесповоротный приговор. Двадцать золотых... Цена ее свободы. Цена ее тела. Цена ее будущего, которого, по сути, у нее и не было.

Древний, слепой, животный инстинкт самосохранения закричал в ней изнутри, перекрывая голос разума: «Беги! Прямо сейчас! Брось все и беги, куда глаза глядят!»

Бросив топор, который с глухим стуком увяз в сугробе, она, пригнувшись почти к самой земле, метнулась обратно к дому, не к парадному, украшенному резьбой входу, а к узкой, низкой, почти невидимой за разросшимся кустом колючей ежевики двери в подвал. Ее пальцы, еще недавно такие

непослушные и одеревеневшие, теперь с лихорадочной, отчаянной ловкостью нашли в темноте знакомую скважину и, привычным движением, щелкнули старым, ржавым, но надежным замком. Она проскользнула внутрь, в царство сперттого воздуха, запаха влажной земли, старой, проросшей картошки и вековой плесени, и прижалась спиной к холодной, шершавой, неровной каменной стене, пытаясь заглушить бешеный, неистовый стук собственного сердца. Оно билось так бешено и громко, словно хотело вырваться из груди и ускользнуть прочь в спасительную темноту зимней ночи.

Продали... Слово, тяжелое и оглушительное, как удар колокола, отдавалось в ее сознании, вытесняя все другие мысли. Они продали ее. Ее собственная плоть и кровь. Единственные, пусть и нелюбящие, но родственники. Продали, как отбракованную скотину на ярмарке, без тени сомнения, без капли жалости. Теодору Гринфесу. Человеку, о чьих «утехах» и специфических, извращенных вкусах в городе и окрестностях ходили самые мрачные, шепотом передаваемые из уст в уста слухи. Девушки, которые уходили к нему «в экономки» или «в служанки», возвращались через пару месяцев — если возвращались вообще — с пустым, потухшим взглядом, подорванным навсегда здоровьем и сломанной волей.

Отчаяние, густое, черное, липкое, как горячий деготь, подкатило к самому горлу, сжимая его, не давая дышать. Она была в ловушке. Совершенной, абсолютной. Бежать бы-

ло некуда. У нее не было ни гроша за душой, ни друзей, готовых приютить и рискнуть собой, ни других родных, которым было бы до нее дело. Весь огромный, незнакомый мир вне этих убогих, но знакомых стен был для нее такой же холодной, безжалостной и враждебной пустошью, как и этот сырой, темный подвал.

Она не помнила, как долго просидела там, в крошечной, почти осязаемой тьме, свернувшись калачиком в самом дальнем, самом темном углу, за большими бочками с солеными огурцами. Может час, а может всего несколько минут. Время в ее отчаянии потеряло всякий смысл и текло, как густой, тягучий мед. Но когда дверь наверх снова скрипнула, нарушая гнетущую тишину, и в подвал, осторожно ступая по скользким ступеням и держа в руках небольшой, но яркий подсвечник с тремя восковыми свечами, спустилась Мариса Вольфант, Антуана даже не удивилась, не шелохнулась. Мариса, ее подруга, единственный светлый, неизменный луч в этом царстве тьмы и безнадежности, жила в соседнем, куда более богатом и ухоженном поместье и часто приходила тайком, принося с собой запретные романы, сладости, кусочки хорошего мыла, а главное — крупницы того нормального, человеческого, красивого мира, от которого Антуана была наглухо отрезана.

— Антуана? Ты здесь? Я видела свет в твоей комнате погас, а на кухне сказали, что ты во двор вышла... — тихо, но четко позвала Мариса, и ее красивое, нежное, с правильными

ми чертами лицо, озаренное ровным, чистым светом свечей, с тревогой вглядывалось в непроглядный мрак подвала. — Антуана? Отзовись!

Увидев наконец подругу, прижавшуюся к стене, съежившуюся в комок, с глазами, полными безмолвного, животного ужаса и свежих, замерзших следов слез, Мариса замерла на месте, и ее собственное лицо побледнело. Она мгновенно, с одного взгляда, оценила всю ситуацию — смертельную бледность, неконтролируемую дрожь в тонких плечах, грязь и снег на подоле дешевого платья.

— Боги правые, что случилось? — ее голос, обычно мелодичный, спокойный и бархатистый, стал резким, низким и твердым, как сталь. Она поставила подсвечник на брошенную рядом пустую бочку и стремительно присела на корточки перед Антуаной, касаясь ее плеча теплой, мягкой, ухоженной рукой в тонкой кожаной перчатке. — Говори. Немедленно. Что они с тобой сделали на этот раз?

Антуана не смогла вымолвить ни слова. Она лишь смотрела на подругу широко раскрытыми, полными слез глазами, и все ее отчаяние, весь ее леденящий душу, парализующий страх читался в этом одном, красноречивом взгляде. Но прикосновение Марисы, твердое, реальное, живое, стало тем якорем, который не дал ей окончательно сорваться в пучину паники и безумия.

— Они... — Антуана сглотнула огромный, колющий ком в горле, ее голос прозвучал хрипло, сдавленно, разбито. —

Тетка... Гринфес... они в кабинете, у дяди... Они продали меня, Мариса. Продали!

Слова, вырвавшись на свободу, обрушились настоящей лавиной, сметая все преграды. Она рассказала все, что подслушала, все, что боялась даже подумать, все свои самые страшные подозрения. Про двадцать золотых аванса. Про «освоение в новом доме». Про то, как тетка говорила с ним таким сладким, заискивающим голосом, каким никогда не говорила даже с самыми важными соседями, не то что с ней, Антуаной.

Мариса слушала, не перебивая, не двигаясь, и ее лицо, обычно такое безмятежное и ласковое, постепенно становилось все бледнее, восковее, а в больших, темных, цвета самого яркого весеннего неба глазах загорался и разгорался странный, решительный, почти безумный огонек. Ее пальцы сжали плечо Антуаны так сильно, что та почувствовала настоящую, физическую боль, но это была хорошая боль, боль, которая возвращала к реальности, к необходимости действовать.

Когда Антуана наконец замолчала, обессиленно опустив голову на колени, в подвале повисла гнетущая, звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым, сдавленным дыханием обеих девушек и тихим, уютным потрескиванием добротных восковых свечей.

— Хорошо, — наконец сказала Мариса, и ее голос прозвучал непривычно громко, четко и властно в подвальной,

поглощающей звуку тишине. Она отпустила плечо Антуаны и медленно выпрямилась во весь свой невысокий, но статный рост. — Это та самая, последняя капля. Та, что переполняет чашу. Больше. Они. Тебя. Не тронут, — отчеканила она каждое слово.

— Что? — Антуана с недоумением, граничащим с помешательством, посмотрела на подругу. Ей показалось, что она ослышалась, что холод и страх сыграли с ее сознанием злую шутку. — Мариса, ты не понимаешь... или не хочешь понимать! У меня нет выбора! Совсем! Мне некуда бежать! Завтра, послезавтра, этот... этот Гринфес придет за мной, и... И все...

— Есть выбор! — отрезала Мариса, и в ее голосе зазвучали стальные, не допускающие возражения нотки, которых Антуана никогда раньше не слышала. Она сделала шаг вперед, и ровное пламя свечей выхватило из мрака ее решительное, почти суровое, повзрослевшее разом выражение лица. — Ты победишь. Но не в никуда, не в поля, чтобы замерзнуть в сугробе, как бродячая собака. Ты победишь вместо меня.

Антуана уставилась на подругу, не веря своим ушам. Ее мозг, затуманенный ужасом и холодом, отказывался обрабатывать эту чудовищную, невероятную информацию. Она слышала слова, но их смысл не доходил до сознания.

— Вместо тебя? Куда? На небеса? В ад? Мариса, о чем ты?!

— В замок Сордэrsa, — выдохнула Мариса, и в ее глазах плескалась целая буря противоречивых эмоций — страх, отчаяние, ужас перед будущим, но и странное, дикое, азартное возбуждение. — На королевские смотрины. К самому королю Дэймону. Мой отец договорился с его советником, Оскаром де Кариамсом. Меня прочат ему в жены. Я не могу, Антуана! Слышишь? Не могу и не хочу выходить за этого незнакомого, холодного, как этот камень, короля, еще и мага, который, по слухам, на дух не переносит женщин и интересуется только своими магическими опытами и политикой! — она ударила резким, нервным движением ноги по ближайшей бочке, и с потолка посыпалась пыль и мелкие камушки. — Я... У меня есть свои планы. Своя жизнь. Есть человек, который... Который ждет меня... — она замолчала, сжимая и разжимая в бессильной ярости тонкие пальцы в перчатках. — А ты... Ты сильная. Гораздо сильнее, чем сама думаешь. Ты выжила там, где я, избалованная дура, сломалась бы и умерла за один день. Ты научилась молчать, когда нужно, и говорить именно то, что от тебя ждут. Ты умеешь быть невидимой и в то же время — видеть все. Поезжай вместо меня. Спрячься у всех на виду, под самыми носом у короля и его придворных! Это всего лишь неделя. Одна неделя — и все закончится. Король Дэймон ищет не любовь, а выгодный политический союз, он не обратит никакого внимания на провинциальную дворянку без могущественной родни и большого приданого. А ты за это время сможешь спокойно,

не торопясь, исчезнуть, уехать куда-нибудь далеко на юг, в теплые края, и начать там совсем новую жизнь. У меня есть деньги. Я все тебе отдам. Все свои сбережения, все, что копила годами.

Антуана слушала, и мир вокруг начал медленно, с жутким, сюрреалистичным скрипом, переворачиваться с ног на голову, теряя привычные очертания. Бежать? В королевский замок? Притворяться знатной дамой? Марисой Вольфант? Это было не спасение, это было верхом безумия! Самоубийственной, безумной авантюрой, обреченной на провал с самой первой секунды!

— Ты... Ты совсем с ума сошла! — прошептала она, и в ее голосе послышались истерические, нервные нотки. Ей захотелось смеяться и плакать одновременно. — Это же безумие! Нас раскроют в первый же день! В первый же час! Нас обоих казнят за обман и оскорбление Его Величества! Меня — как самозванку, тебя — как коварную соучастницу! Нас повесят, или отрубят головы, или...

— Нас не раскроют, — страстно, почти яростно прошептала Мариса, снова хватая ее за ледяные, грязные руки и сжимая их так, будто хотела передать ей часть своей уверенности. — Мы с тобой похожи. Ростом, цветом волос, даже разрез глаз... Я научу тебя всему, что знаю. Весь этикет, все основные генеалогические древа, имена, титулы, мелкие семейные истории и секреты... У нас есть время. Целых три дня. Три дня, пока этот мерзавец Гринфес не вернется за

своим «товаром». Это твой единственный шанс, Антуана. Единственный. И мой тоже. Неужели ты не понимаешь? Ты спасешь нас обоих. Одним ударом.

Она смотрела на подругу с такой безграничной верой, с такой отчаянной, иступленной надеждой, что Антуана почувствовала, как ее собственный парализующий, сковывающий страх начал медленно, по капле отступать, уступая место странному, головокружительному, пьянящему ощущению возможности. Безумной, невероятной, фантастической, но возможности. Шанса вырваться. Шанса прожить хотя бы одну неделю другой жизнью. Жизнью, где нет унижений, пинков, вечного холода и чувства собственной ненужности.

Снаружи снова завыл и засвистел ветер, яростно постукивая ставнем о стену. Но теперь он звучал совсем иначе. Это был уже не похоронный плач по ее старой, убогой жизни, а зов. Призыв к безумной, отчаянной аванюре. Вызов, брошенный самой судьбой.

Сердце Антуаны, еще недавно сжавшееся в ледяной, тяжелый ком от ужаса, сделало мощный, болезненный удар, а затем забилося в новом, лихорадочном, бешеном ритме, сметая последние остатки страха и нерешительности. Риск. Безумие. Верная гибель или единственный, данный судьбой шанс на спасение и новую жизнь.

Она медленно, будто в замедленном действии, посмотрела на свои грубые, в царапинах, ссадинах и мозолях, рабочие руки. Потом в полные мольбы, надежды и непоколебимой

решимости глаза подруги. Затем в гнетущую, всепоглощающую, символизирующую всю ее прошлую жизнь тьму подвала — жизнь унижений, страха, бесправия и вечной благодарности за подачки.

Тихо, но с той самой сталью, которую она только что услышала в голосе Марисы, Антуана Лерграс произнесла всего два слова, которые навсегда изменили ее судьбу:

— Хорошо. Я согласна.

С души словно свалился тяжелый камень. Довольные, они вышли из подвала, надеясь, что теперь все наладится.

Глава 2

— Ну и где она? Видите ее сюда, да поживее!

План, который за минуту до этого казался безумным, но хотя бы отдаленным во времени, в одно мгновение превратился в хрупкий, горящий мост, по которому нужно было бежать прямо сейчас. У них не было трех дней. У них не было даже одной ночи.

Едва дверь в подвал захлопнулась, отсекая жалобные голоса из кухни, Мариса схватила Антуану за руку. Ее пальцы, всегда такие нежные, сейчас сжались с силой стальных тисков.

— Двигай! — ее шепот был резким, командирским, не терпящим возражений. Она рванула Антуану за собой по темному коридору, ведущему в основную часть дома. — Они все еще здесь. Гринфес. Он явно не собирается уезжать отсюда один.

Адреналин, горький и острый, ударил в голову. Ноги Антуаны, еще секунду назад ватные от страха, сами понесли ее вперед. Они проскочили мимо двери в большую комнату, откуда доносились взволнованные голоса ее кузенов, и взлетели по узкой, почти невидимой лестнице, ведущей на антресоли, а оттуда — в комнату для гостей, где Антуану уж точно не станут искать.

Комната с резной кроватью, туалетным столиком и

небольшим камином показалась Антуане не просто убежищем, а единственной точкой опоры в рушащемся мире. Мариса, не теряя ни секунды, захлопнула дверь и повернула ключ. Звук щелчка прозвучал оглушительно громко в тишине.

— Слушай и не перебивай. Время — не просто враг, оно пришло за нами с косой, — Мариса, тяжело дыша, принялась снимать с себя простое, но добротное шерстяное платье темно-зеленого цвета и швырнула его Антуане. — Снимай свои лохмотья. Сейчас же!

Антуана, не раздумывая, стала стаскивать с себя грубую, пропахшую потом и землей холстину. Пальцы плохо слушались, путаясь в завязках. Мариса, видя ее медлительность, сама рванула ткань, и та с неприятным треском едва ли не разошлась по шву. Продолжая говорить, Мариса начала натягивать на себя одежду подруги.

— Король — Дэймон Аугустиан Герэльвальд. Тридцать пять лет. Правит десять. После смерти отца на охоте. Мать умерла от плеврита. Наследников нет, прямых близких родственников — тоже. — Мариса выпаливала факты, пока Антуана натягивала мягкое, теплое платье. Ткань была незнакомой, чужой. — Его правая рука — Оскар де Кариамс, лорд-советник. Друг детства. Женат на Вивьен. Левую — занимает старый маг Харвид. Говорят, он обучал короля. Запомни сразу же их в лицо. — Теперь моя семья. Отец — Годфри Вольфант. Владеет землями к востоку от столицы. Небогат,

но знатен. Мать — Элеонора, урожденная де Ланси. Не выходит из своих покоев, чахотка. Брат — Вильгельм, младше меня на два года. Учится в столичной академии магических искусств. Его нет дома. Герб — серебряный волк на лазоревом поле. Девиз — «Верность до конца». Основные союзники — дома де Кариамс и Леруа. Враги — Аккентеры. Запомни: граф Ирвин Аккентер — наш главный недруг. Избегай его и его дочь, Люсию, как чумы.

Антуана, сжимая виски, пыталась вбить в себя эту информацию. Она всегда обладала цепкой памятью, но сейчас данные обрушивались на нее лавиной.

— Почему король женится? Почему сейчас? — выдохнула она, пытаясь ухватиться за главное.

— Слухи. Только слухи. Говорят, магия его крови требует наследника. Говорят, Харвид увидел знамение. Говорят, Оскар настаивает для стабильности королевства. Истину знают они сами. Твоя задача — не быть избранной. Быть серой, неприметной мышкой. Прослушать неделю и исчезнуть.

Внезапно снизу, со стороны двора, раздался грубый окрик, затем — испуганный визг тетки Урсулы и громкий, властный голос, который Антуана узнала бы из тысячи.

— Я не намерен ждать, женщина! Где девка? Я заплатил за нее хорошие деньги!

Голос Теодора Гринфеса. Он все еще был здесь, в доме. Ледяная волна страха снова накатила на Антуану, сжимая горло. Она посмотрела на запертую дверь, ожидая, что вот-

вот в нее начнут ломиться.

— План «Б». Активируем сейчас, — лицо Марисы стало маской холодной решимости. Ее испуг куда-то испарился, уступив место действию. — Уходим через черный ход.

— Он в доме! Как мы выйдем?!

— Может в доме есть другой ход?

— Есть! — спохватилась Антуана. — В кабинете дяди.

Они быстро метнулись туда, благо кабинет был в другом конце коридора.

Антуана отодвинула тяжелый дубовый сундук у дальней стены. Под ним оказалась неприметная, почти неотличимая от других половица с небольшим железным кольцом. Она потянула, и с бесшумным, хорошо смазанным шепотом часть пола отъехала, открывая черный провал в неизвестность. Оттуда потянуло запахом старого камня, сырой земли и чего-то еще, металлического и затхлого. — Это старый ход времен Межусобных войн. Ведет в заброшенную часовню в лесу.

Снизу, с первого этажа, донесся грохот опрокидываемой мебели и новый, яростный рев Гринфеса.

— Ищите! Она не могла испариться! Обыщите каждый угол!

Топот тяжелых сапог раздался в коридоре. Они приближались.

— Быстро! — прошипела Мариса, сунув Антуане в руки небольшой, но туго набитый кожаный кошель и сверток с бу-

магами. — Деньги. Документы. Спускайся первая. Я задвину люк.

Антуана, не раздумывая, опустила ноги в черноту, нащупала скобу, а под ней — ступеньки из холодного камня. Лестница была крутой и узкой. Она начала спускаться, чувствуя, как влажный камень обжигает ладони. Сверху, уже из темноты, она увидела, как Мариса, одним рывком поставив сундук на место, бесшумно соскользнула в люк и потянула его на себя. Последнее, что Антуана увидела перед тем, как полная тьма поглотила их, — это щель под дверью, перечеркнутую чьей-то тенью.

Они замерли, прижавшись к холодной стене, слушая. Сверху, прямо над их головами, раздался грубый удар — это кто-то вломился в комнату.

— Никого! — прокричал мужской голос.

— Не может быть! — это был голос Гринфеса, совсем близко. — Она должна быть здесь! Ищите потайные ходы!

Послышался стук по стенам, скрип передвигаемой мебели. Антуана зажмурилась, представляя, как чьи-то сапоги топчутся прямо над люком, под которым они стоят.

— Ничего, господин. Пусто.

— Проклятие! — раздался звук удара кулаком по чему-то деревянному, вероятно, по столу. — Она где-то здесь. Оцепить дом! Никому не выходить! А вы, — его голос обратился к кому-то другому, — обыщите двор и сараи. Она, наверное, пыталась спрятаться там.

Топот начал удаляться. Они выждали еще несколько бесконечных секунд, пока в комнате наверху не воцарилась тишина.

— Пошли, — едва слышно выдохнула Мариса и тронулась вперед.

Ход был таким узким, что плечи задевали за стены, покрытые склизким мхом. Они двигались на ощупь, в крошечной, абсолютной тьме, протягивая руки перед собой. Воздух был спертый, пыльным, им было трудно дышать. Антуана шла первой, и ее озябшие ноги скользили по неровным, мокрым камням. Впереди была только чернота и тишина, нарушаемая их прерывистым дыханием.

Внезапно Антуана почувствовала, как пол под ногами исчез. Она едва не сорвалась вниз, но вовремя уперлась руками в противоположную стену.

— Ступеньки, — прошептала она назад Марисе. — Вниз.

Они стали спускаться еще глубже. Лестница казалась бесконечной. Наконец, ступени закончились, и они снова вышли на горизонтальную поверхность. Пройдя еще с десятков шагов, Антуана уперлась в массивную, обитую ржавым железом дверь. Ручка не поддавалась.

— В сторону, — тихо сказала Мариса, протиснувшись мимо нее. Послышался легкий щелчок — она вставила в скважину шпильку, которую вытащила из своей прически. Пришлось повозиться. Замок с громким, пронзительным скрипом провернулся. Мариса с силой нажала плечом, и дверь,

нехотя, со скрежетом по каменному полу, отворилась. — Брат научил, — словно оправдываясь, пояснила девушка.

Они вывалились в небольшое круглое помещение без окон. В центре стоял каменный алтарь, покрытый пылью и паутиной. Это была та самая часовня. Лунный свет, проникая через разбитое окно-розацию под самым потолком, выхватывал из мрака лик какого-то забытого божества с пустыми глазницами.

— Теперь бегом, — выдохнула Мариса, указывая на полуразрушенную арку, ведущую наружу. — До леса. Они могут найти этот ход.

Они выскочили из часовни. Морозный воздух ударил в лицо, но был желанным после спертой атмосферы подземелья. Позади, из дома тетки Урсулы, доносились не просто крики, а настоящая охота. Слышался лай собак — Гринфес привез с собой псов.

Они побежали через заснеженное поле погоста к спасительной темноте леса. Снег хрустел под ногами, цепляясь за подол платья Антуаны. Она бежала, не оглядываясь, чувствуя, как ледяной воздух режет легкие, как адреналин придает ногам нечеловеческую скорость. Каждый лай собак, каждый отдаленный окрик заставлял ее сердце бешено колотиться, подгоняя вперед.

Внезапно сзади, у ворот поместья, раздался торжествующий лай, и затем мужской крик: «Вон они! Держите их!»

Девушки обернулись. Из-за угла часовни выскочили трое

мужчин. Один из них, что самый с арбалетом, уже поднимал оружие.

— Ложись! — закричала Мариса, толкая Антуану в глубокий сугроб.

Свист стрелы пролетел в сантиметрах над ее головой и с глухим стуком вонзился в дерево. Вторая стрела просвистела рядом, отрикошетив от камня. Антуана, не помня себя от страха, вскочила, вся в снегу, и рванула Марису за руку.

— Беги! К лесу!

Подруги метнулись вперед, петляя между надгробий старого кладбища при часовне. Псы, большие и злые, уже не лаяли, а рыча, неслись за ними, сокращая расстояние. За собаками бежали люди.

— Держись левее! — задыхаясь, крикнула Мариса. — Там ручей! Собаки потеряют след!

Они свернули, прыгая через покосившиеся кресты и поваленные стволы. Антуана, привыкшая к тяжелой работе и лишениям, бежала быстрее изнеженной Марисы, и ей приходилось постоянно притормаживать, хватать подругу за руку, почти таща ее за собой. Позади уже слышалось тяжелое, хриплое дыхание преследователей и рычание собак, уже почти хватающих их за пятки.

Внезапно лес расступился, открывая перед ними неширокий, но бурный ручей, не успевший полностью покрыться льдом. Черная, почти невидимая в ночи вода с белыми гребешками пены с ревом неслась между заснеженных берегов.

— Переходим! — скомандовала Мариса, ее голос сорвался на визг.

Они скатились по обрывистому, скользкому берегу и, подняв подолы, ступили в ледяную воду. Холод пронзил ноги как тысяча раскаленных игл, отняв дыхание. Течение было сильным, оно пыталось сбить их с ног. Девушки едва не поскользнулись на скользких, обледеневших камнях, но, цепляясь друг за друга, кое-как, почти падая, добрались до противоположного берега.

— Теперь по воде! Вниз по течению! — Мариса, дрожа от холода и страха, потянула Антуану вдоль берега. — Следы! Нужно сбить их со следа!

Они пробежали по краю воды с полсотни шагов, их мокрые ноги тут же покрылись ледяной коркой. Мариса резко свернула обратно в лес, на скалистый выступ, где снега почти не было.

Беглянки прижались к холодному камню, стараясь дышать как можно тише. Почти сразу же к ручью выскочили преследователи с собаками. Псы, подойдя к воде, начали метаться по берегу, теряя запах.

— Куда, черт возьми, они делись? — проревел арбалетчик, его голос был хриплым от бега.

— Следы ведут сюда! Они перешли! — крикнул второй.

— Ищите! Они недалеко! — это был голос Гринфеса. Он сам присоединился к погоне.

Люди начали метаться по берегу, тыкая факелами в тем-

ноту. Собаки, повинуваясь командам, кинулись в воду и поплыли на другой берег, но и там, на каменистом грунте, следов не было.

— Проклятие! — раздалась яростная ругань Гринфеса. — Они где-то здесь! Обыщите оба берега!

Минуты, которые они просидели за скалой, показались Антуане вечностью. Она чувствовала, как промокшие ноги начинают неметь, а тело бить крупная дрожь. Она слышала, как люди Гринфеса прочесывали лес буквально в двадцати шагах от них. Один из псов подошел так близко, что она услышала его сопение и почувствовала запах мокрой шерсти. Но камень и отсутствие следа сделали свое дело.

— Ничего, хозяин. Как сквозь землю провалились, — доложил один из людей, возвращаясь к ручью.

— Возвращаемся, — прорычал Гринфес после паузы. Злость в его голосе была осязаемой. — Но это не конец. Я найду эту стерву. Она мне дорого обошлась. А с этой семьей, — он имел в виду тетку и дядю, — мы еще поговорим.

Они что-то пробормотали, и вскоре звуки их шагов и рычание собак начали удаляться, пока не затихли совсем.

Только тогда Антуана позволила себе выдохнуть. Она вся дрожала — и от холода, и от адреналина, и от ледяной воды. Ноги ниже колен превратились в две нечувствительные колоды.

— Они ушли? — прошептала она, и ее зубы выстукивали дробь.

— Кажется, да, — голос Марисы тоже прерывался от дрожи. — Но они могут вернуться с рассветом с большими силами. Нам нужно двигаться. До усадьбы Вольфантов отсюда еще далеко.

Они выбрались из-за скалы. Движения стали медленными, одеревенелыми. Беглянки пошли через лес, уже не бегом, а быстрым, спотыкающимся шагом. Мариса, знавшая эти места с детства, вела их по едва заметным тропинкам. Ночь вокруг, которая сначала казалась враждебной, теперь стала их союзником, укрывая их своим темным плащом. Но каждый хруст ветки, каждый шорох в кустах заставлял их вздрагивать и замирать на месте.

Шли они, казалось, целую вечность. Ноги Антуаны, сначала онемевшие, теперь начали дико гореть, пронзаемые тысячами игл возвращающегося чувства. Платье на ней промокло снизу и обледело. Мариса шла, сжав зубы, ее изящные зимние туфли были безнадежно испорчены.

Когда силы были уже на исходе, сквозь деревья, в лощине, показались огни. Небольшая, но крепкая каменная усадьба Вольфантов с высокой стеной.

— Сейчас самое сложное, — остановившись на опушке, сказала Мариса. Ее лицо в лунном свете было бледным и изможденным. — Нам нужно пробраться внутрь, не разбудив отца. Он спит как сурок, но старый дворецкий, Лоренц, спит чутко, как заяц. Следуй за мной и повторяй все, что я делаю.

Они, пригнувшись, подкрались к заднему фасаду дома,

где располагались кухня и служебные помещения. Мариса, присев у стены, подала знак ждать. Из окна кухни лился свет и доносились приглушенные голоса — повар и кухонная работница заканчивали уборку после ужина.

Минуты тянулись мучительно долго. Антуана прижималась к холодной стене, чувствуя, как дрожь пробивает ее с новой силой. Наконец, свет в окне погас, и в доме воцарилась тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в трубах.

Мариса выждала еще несколько минут, затем бесшумно, как тень, подошла к узкой, неприметной двери, почти скрытой плющом, и, достав из складки платья маленький, причудливой формы ключ, вставила его в замочную скважину. Дверь открылась без единого звука.

Они проскользнули внутрь, в темную, пропахшую дымом, травами и вчерашним хлебом кухню. Мариса жестом велела снять обувь. Босиком, по ледяному каменному полу, они на цыпочках прошли по длинному коридору и поднялись по узкой, крутой лестнице для прислуги на второй этаж, прямо в комнату Марисы.

Дверь закрылась. Щелчок замка прозвучал как симфония. Они были в безопасности.

Мариса, не зажигая свечи, подошла к шкафу и начала быстро, но методично собирать вещи в дорожный мешок из прочной кожи.

— Вся твоя одежда мокрая. Снимай все. До нитки. — ее голос снова стал командным. — Переодевайся в мое. Луч-

шее, что у меня есть. Платья, нижнее белье, чулки, туфли. Все, с головы до ног. Твои старые вещи мы сожжем в камине. Нельзя оставлять следов.

Антуана, все еще находясь под впечатлением от погони и ледяной воды, молча повиновалась. Она скинула с себя промокшее, обледеневшее платье, которое стало для нее символом бегства. Она облачалась в наряды Марисы — шелковистую сорочку, мягкие шерстяные чулки, тонкое платье. Каждый предмет был чужим, но невероятно желанным. Ткани были легкими, теплыми, пахнувшими лавандой и чем-то еще, неуловимо-аристократическим.

— Теперь самое важное, — Мариса подошла к ней с гребнем, шпильками и коробочкой с косметикой. — Я сделаю тебе свою прическу. И уроки этикета начнутся прямо сейчас, пока ты не упала от усталости. Ты должна ходить, говорить, есть, пить и даже смотреть как я.

Она зажгла одну-единственную свечу, и в ее тусклом, мерцающем свете начался самый странный и интенсивный урок в жизни Антуаны. Ночь уступила место раннему утру, за окном посветлело.

— Походка. Ты не служанка, не беглая рабыня. Ты — дочь барона Вольфанта. Плечи назад. Грудь вперед. Но не вызывающе. Подбородок приподнят, взгляд направлен на линию горизонта. Представь, что на голове у тебя кувшин с водой. Шаг — не семенить. Шаг — плавный, скользящий. Ты не идешь, ты паришь над землей. Вот так.

Антуана пыталась повторять, ее мышцы, привыкшие к сгорбленной позе и быстрой, суетливой походке, протестовали, ныли, но она заставляла их подчиняться.

— Руки. Не сжимай их в кулаки от нервов. Не прячь в складках платья. Не тереби подол. Руки — свободно опущены вдоль тела, пальцы слегка сомкнуты. Если ты идешь — легкое движение в такт шагу. Если сидишь — лежат на коленях. Вот так.

Девушка кивнула в согласии.

— Взгляд. Это самое важное. Глаза — зеркало души, и твоя душа сейчас кричит о страхе. Уйми ее. Взгляд — прямой, открытый, но не дерзкий. Если на тебя смотрит человек выше по статусу — допустимо опустить взгляд на секунду, скользнув вниз, а потом снова мягко поднять. Это знак уважения, а не подобострастия или страха. Потренируйся на мне. Сейчас я — король.

Слова подруги доходили с трудом, но Антуана старалась изо всех сил.

— Речь. Ты говоришь слишком быстро, проглатываешь окончания, твой голос срывается на высоких нотах от волнения. Замедли темп. Говори чуть ниже, грудью. Используй эти обороты: «Будьте так добры», «Мне представляется», «Я полагаю», «Благодарю вас». Избегай просторечий. Никаких «ай», «ой», «ах».

Они репетировали до самого рассвета. Антуана, подстегиваемая животным страхом разоблачения и железной волей к

выживанию, схватывала все на лету. Она училась сидеть на краешке стула, вставать, не опираясь на подлокотники, держать воображаемую чашку, подносить ее к губам, кланяться, принимая воображаемую руку для поцелуя. Мариса была безжалостным, но блестящим учителем, поправляя каждую мелочь, каждую неверную интонацию.

Когда за окном посветлело и первые бледно-розовые лучи солнца упали на причудливые узоры инея на стеклах, Мариса отступила на шаг и оглядела свою работу.

Антуана стояла перед ней в прекрасном, темно-синем, отделанном серебряной нитью платье, с уложенными в элегантную, но не вычурную прическу волосами. Ее осанка изменилась, спина была прямой, плечи развернуты. Взгляд, хоть и хранил следы усталости, стал более собранным, спокойным, в нем появилась та самая глубина, которой требовал этикет. Она все еще была Антуаной Лерграс, но в ее движениях, в повороте головы, в манере держать руки уже угадывались уверенные, отточенные тени манер Марисы Вольфант.

— Неидеально, — констатировала Мариса, проводя рукой по заплаканным от усталости глазам. — Далеко не идеально. Но для первого дня и учитывая обстоятельства — революционно. Запомни, самое главное — уверенность. Даже если ты ошиблась, даже если сердце уходит в пятки, не показывай вида. Сделай вид, что так и было задумано. Уверенность — лучшая маскировка.

Внизу слышались звуки просыпающегося дома. Скрип дверей, шаги, голос старого дворецкого, отдающего распоряжения.

— Пора, — сказала Мариса, и ее голос вдруг дрогнул, снова наполнившись неподдельной эмоцией. Она протянула Антуане небольшой, но тяжелый кошелек и сверток с документами, запечатанный фамильной печатью Вольфантов. — Вот деньги, золото. Хватит на год безбедной жизни. А вот бумаги: подтверждение личности, приглашение на смотрины, письмо от моего отца к королю. Ты — Мариса Вольфант. Помни это.

Антуана взяла кошелек и документы. Они обжигали ей пальцы, будто раскаленное железо. Это была не просто бумага и металл. Это была новая жизнь. Или смертный приговор.

— А ты? — спросила она, вглядываясь в лицо подруги. — Что будет с тобой? Твой отец...

— Я скажу отцу, что передумала, что я трусиха и бежала от его воли, испугавшись замужества с королем. Он будет в ярости, будет кричать, может, даже запрет меня в комнате. Но я — его дочь, его кровь. Он не выдаст меня Гринфесу. А ты... Ты будешь свободна. Исчезнешь. — Мариса улыбнулась, но в ее улыбке была бездонная грусть и тоска. — Теперь иди. И удачи тебе, Мариса Вольфант.

Антуана посмотрела на подругу, на комнату, которая на одну безумную ночь стала ее убежищем, учебным классом и стартовой площадкой в пропасть, а затем кивнула. Слова

были лишними. Все, что можно было сказать, уже было сказано. Все, что можно было сделать, сделано.

Накинув на себя плащ, Антуана посильнее надвинула капюшон на голову. Она вышла из комнаты и спустилась по главной лестнице, стараясь не забывать о новой, «парящей» походке, о прямой спине, о спокойном взгляде. Каждый шаг отдавался в ее висках гулким эхом. Внизу, в холле, ее уже ждал старый дворецкий Лоренц с невозмутимым, как у статуи, лицом.

— Карета для мадемуазель Вольфант подана, — произнес он, открывая перед ней тяжелую, дубовую дверь, украшенную тем самым гербом — серебряным волком на лазоревом поле.

Девушка порадовалась, что хозяин дома уехал ранее, не дожидаясь прощаний с дочерью, а слугам и дела не было до молодой хозяйки.

Антуана сделала последний, решительный шаг из знакомого, хоть и враждебного, мира в абсолютную неизвестность. Утренний свет, яркий и холодный, ударил ей в глаза. У парадного крыльца поместья, запряженная парой сытых гнедых лошадей, стояла карета с фамильным гербом Вольфантов. Кучер, закутанный в теплый плащ, сидел на облучке, неподвижно, как изваяние.

Она обернулась, чтобы бросить последний взгляд на дом, который дал ей этот шанс, но дверь уже мягко, но неумолимо закрылась за ней. Ее прошлое, вся ее прежняя жизнь, оста-

лась там, за тяжелыми дубовыми створками, вместе с плачущей в своей комнате подружкой.

Антуана глубоко вдохнула морозный, утренний воздух, почувствовав, как он обжигает легкие. Она подобрала подол своего нового, прекрасного платья, почувствовав шелк под пальцами, и уверенной, новой, королевской походкой направилась к карете. Слуга в ливрее открыл дверцу. Она шагнула внутрь, на мягкие бархатные сиденья. Дверца захлопнулась с глухим, окончательным стуком.

Кучер щелкнул вожжами, лошади тронулись, и карета плавно покатила по утопанной снежной дороге, увозя Антуану Лерграс, ставшую Марисой Вольфант, навстречу королю, замку Сордэрс и самой опасной, самой головокружительной неделе в ее жизни.

Глава 3

Карета, подпрыгивая на колесах с коваными ободами, мчалась по заснеженной дороге, выбивая из-под копыт гнемых лошадей крупу ледяной пыли. Внутри пахло старой кожей, древесиной ореха и едва уловимым, но стойким ароматом дорогого табака, которым, вероятно, за десятилетия пропиталась вся бархатная обивка. Антуана, откинувшись на спинку сиденья, смотрела в заиндевшее окно, но не видела проплывающих мимо заснеженных полей, редких хуторов и скелетов зимних лесов. Перед ее глазами стояло одно-единственное изображение — бледное, исхудавшее, но полное негибимой решимости лицо Марисы в мерцающем свете единственной свечи. В ушах звенел скрежет открывающегося потайного люка, ледяной вой ветра в чаше и ее собственное прерывистое, полное ужаса дыхание.

Она механически перебирала пальцами складки платья. Ткань была непривычно мягкой, шелковистой, она шелестела при малейшем движении. На каждом крутом повороте или ухабе дороги девушку отбрасывало к твердой стенке кареты, и она ловила себя на том, что инстинктивно пытается ухватиться за что-то грубое, шершавое и деревянное, чего в этой роскошной карете просто не существовало. Ее пальцы натыкались лишь на гладкий, отполированный до зеркального блеска поручень из темного дерева.

Мысли путались, наскакивая друг на друга, как стайка испуганных овец. Она пыталась заставить себя повторять в уме заученные как мантры уроки этикета, вызубренные имена, гербы, генеалогические древа, но они тут же смешивались с перекошенным от жадности лицом Гринфеса, рычанием его псов и леденящим душу свистом арбалетных стрел. Страх был ее постоянным, глухим спутником, гудящим на низких частотах где-то в самой глубине черепа. Но поверх этого липкого, парализующего ужаса уже нарастало что-то другое — острое, почти лихорадочное, пьянящее возбуждение. Она была жива. Она, Антуана Лерграс, которую чуть не продали в рабство, ехала в королевский замок на смотрины к самому королю. Это было чудовищным, немыслимым безумием, но это была ее реальность. Ее единственный шанс.

Внезапно карета резко, с визгом тормозов, замерла на месте, едва не сбив с ног взмыленных лошадей. Антуана, не успев среагировать, с силой ударилась плечом о дверцу и едва не полетела с сиденья на противоположную стенку, успев в последний момент вцепиться в тот самый поручень. Снаружи донесся грубый, не терпящий возражений окрик, испуганное ржание лошадей, и характерный, леденящий душу лязг обнажаемого из ножен оружия.

— Стоять, возница! Ни с места! По чьему приказу едешь? Доложи!

Сердце Антуаны провалилось куда-то в бездну, оставив в груди ледяную пустоту. Гринфес... Он нашел их. Он высле-

дил и перекрыл дорогу. Конец. Все кончено, даже не успев начаться.

Девушка застыла, вжавшись в сиденье, боялась пошевелиться, боялась дышать, боялась даже моргнуть. Сквозь узкую щель в тяжелых занавесках она увидела троих всадников в темных, без каких-либо опознавательных знаков, плащах, с капюшонами, натянутыми низко на лбы. Это не были солдаты или королевские стражники. Это были наемники. Головорезы. Телохранители Гринфеса.

— Я везу мадемуазель Вольфант в замок Сордэрс, — спокойным, ровным, но с отчетливой стальной ноткой голосом ответил кучер. Антуана поразила его выдержка. — По личному приглашению Его Величества короля Дэймона Аугустиана Герэльвальда. Уступите дорогу. Немедленно.

— Вольфант? — один из всадников, коренастый, плечистый мужчина со свежим шрамом через левый глаз, грубо подъехал вплотную к карете и отдернул угол занавески, заглядывая внутрь. Его взгляд, холодный, пустой и оценивающий, как у мясника на рынке, скользнул по Антуане, задержавшись на ее лице, на платье, на безупречно сложенных на коленях руках. Она застыла, стараясь дышать ровно и смотреть прямо перед собой, как учила Мариса, но внутри все сжалось в один тугой, болезненный комок. — Хм... Ну что ж, проверим твои слова, возница. Документы предъяви.

— Я не обязан показывать документы первому встречному разбойнику, — голос кучера оставался невозмутимым, но

Антуана заметила, как его пальцы, сжимавшие вожжи, побелели в суставах. — Пропустите нас. Последнее предупреждение.

— Документы. Сейчас же, — потребовал второй всадник, обнажая короткий, широкий меч. Его товарищ тем временем начал объезжать карету по кругу, зорко осматривая ее, явно проверяя, нет ли скрытого сопровождения, не спрятался ли кто в багажнике.

Антуана понимала — это конец. Если они потребуют у нее документы, если начнут задавать вопросы о семье, о поместье, о чем-то, чего она не знала, ее выдаст все: речь, манеры, паника, блеск непролитых слез на глазах. Она чувствовала, как предательская дрожь начинает подниматься от кончиков пальцев, грозя перерасти в неконтролируемую истерику.

В этот самый момент, словно сама судьба решила вступить за нее, сзади, со стороны, откуда они приехали, послышался громкий, властный, хорошо поставленный окрик, и на дорогу, гремя доспехами и поднимая тучи снега, выехал целый отряд королевских стражников в синих с серебром плащах, с сияющими на груди гербами Сордэrsa — скрещенными мечами под короной. Их было человек двенадцать, и они двигались строем, дисциплинированно и грозно. Во главе ехал молодой, но с виду опытный командир с решительным, обветренным лицом и внимательными глазами.

— В чем дело, граждане? — его голос, громовой и четкий, прокатился по заснеженной равнине. — Почему вы за-

держиваете королевскую карету? Объяснитесь!

Наемники замерли, будто вкопанные. Шрамоватый всадник мгновенно преобразился, его наглая самоуверенность сменилась подобострастной ужимкой. Он поспешно опустил меч в ножны.

— Никак нет, господин капитан! Мы просто проверяли дорогу на предмет подозрительных личностей. Неопознанная карета, понимаете ли...

— Эта карета опознана мной, — холодно, отчеканивая каждое слово, парировал командир стражи. — Мадемуазель Мариса Вольфант является почетной гостьей и претенденткой Его Величества короля Дэймона. А вы кто такие? Предъявите ваши полномочия. Немедленно.

Наемники переглянулись. У них, разумеется, не было никаких полномочий, никаких документов, дававших им право останавливать кого бы то ни было.

— Мы ошиблись, господин капитан. Приносим свои глубочайшие извинения. Мы удаляемся. Сию же минуту.

Не дожидаясь дальнейших вопросов, они развернули своих лошадей и, прищпорив их, галопом умчались прочь, подняв целое облако снежной пыли.

Командир стражи, не обращая на них больше внимания, подъехал к окну кареты и, сняв латную перчатку, вежливо, почти галантно склонил голову.

— Приношу свои глубочайшие извинения за беспокойство, мадемуазель Вольфант. Дорога к замку Его Величе-

ства должна быть абсолютно безопасной. К сожалению, даже вблизи от наших стен иногда ошиваются сомнительные личности. Мы сопроводим вас до самых ворот, дабы подобное не повторилось.

Антуана, все еще не в силах вымолвить ни слова, лишь молча кивнула, надеясь, что это выглядело как надменная, снисходительная благодарность аристократки, а не как немой, животный ужас перепуганной до полусмерти девушки. Сердце колотилось в ее груди с такой бешеной силой, что, казалось, его стук должен быть слышен сквозь стены кареты и доспехи стражников.

Оставшийся путь до замка они проделали в плотном и надежном сопровождении королевской стражи. Антуана видела, как за окном мелькали деревеньки, как на горизонте, сначала смутно, а потом все четче, начали вырисовываться могучие, неприступные стены и взмывающие в свинцовое небо остроконечные башни замка Сордэрс. Он был грандиозным, циклопическим сооружением, высеченным из серого, почерневшего от времени и непогод камня, казавшимся продолжением самой горы, на которой стоял. Сине-серебряные знамена с гербом королевства гордо развевались на пронизывающем зимнем ветру. Чем ближе они подъезжали, тем больше он подавлял своими размерами, своей суровой, аскетичной красотой и неприступной мощью. Это была не просто резиденция правителя. Это была крепость. Цитадель власти.

Наконец, карета, громяхая колесами по брусчатке, про-

следовала под поднятой массивной железной решеткой главных ворот, украшенной все теми же скрещенными мечами, и остановилась на огромном, вымощенном камнем внутреннем дворе, где уже стояли десятки других, не менее роскошных экипажей. Дверцу открыл один из стражников. Антуана, собрав всю свою волю в кулак, сделав глубокий, успокаивающий вдох, вышла наружу.

Холодный воздух ударил в лицо, но здесь он был другим, совершенно иным — густым, насыщенным, пропахшим дымом из сотен труб, потом и кожей лошадей, запахом человеческой массы, жареного мяса с жаровен и чем-то еще, сладковатым, пряным и чуждым, что она позже узнала как аромат заморских специй, привозимых купцами с юга. Двор кишел жизнью: строевые отряды стражников, сновавшие туда-сюда слуги в ливреях, знатные господа и дамы, прибывшие в других каретах, и, конечно же, десятки молодых, прекрасных девушек в сопровождении свит и горничных. Все они с нескрываемым любопытством, а часто и с откровенной враждебностью, разглядывали каждую новоприбывшую.

— Мадемуазель Вольфант? — К ней, бесшумно подкравшись, подошел немолодой, сухопарый мужчина в безупречно сидящих черных одеждах придворного с тяжелой серебряной цепью сенешаля на груди. Его лицо было непроницаемым, взгляд — быстрым и всеподмечающим. — Я Ренар, главный сенешаль замка Сордэрс. Добро пожаловать. Позвольте выразить надежду, что ваше путешествие было не

слишком утомительным. Пожалуйста, проследуйте за мной. Ваши вещи будут доставлены в ваши покои.

Антуана, следуя урокам Марисы, лишь слегка кивнула, не удостоив его словами, и пошла за ним, стараясь не отставать и в то же время не озираясь по сторонам как последняя провинциалка. Ее вели через бесконечные, казалось, галереи, устланные толстыми шерстяными коврами с замысловатыми узорами, мимо огромных залов с высокими стрельчатыми сводами, где на стенах висели ветхие, почерневшие от времени гобелены, изображавшие сцены великих битв, и портреты суровых, неприветливых предков нынешнего короля. Повсюду, через равные промежутки, стояли стражники в синих плащах, неподвижные, с каменными лицами, больше похожие на изваяния, чем на живых людей.

Наконец, они вошли в большой, ярко освещенный зал, уже до отказа заполненный девушками и их свитами. Их было, наверное, человек сорок. Все — ослепительные, в роскошных, кричащих своим богатством платьях из парчи, бархата и шелка, с невероятно сложными прическами, украшенными жемчугом и драгоценными камнями, с лицами, покрытыми тонким слоем косметики, и холодными, безжалостно оценивающими взглядами. Это и были ее соперницы. Претендентки на руку и сердце короля Дэймона. Антуана почувствовала, как на нее со всех сторон устремляются десятки глаз — любопытных, насмешливых, изучающих, откровенно враждебных. Она попыталась сделать свое лицо безразлич-

ной, холодной маской, как учила Мариса, и прошла дальше в зал, стараясь затеряться у стены.

— О, смотрите-ка, нашли еще одну, — услышала она чей-то ядовитый, шипящий шепот прямо у себя за спиной. — Какая серая, невзрачная мышка. Платье, должно быть, сшито еще при ее прабабке. Вольфант, кажется? Этот род давно уже нищает, слышала я.

— Да уж, не блещет, — поддержал другой голос, сладкий и фальшивый. — Вряд ли она составит кому-то конкуренцию. Разве что своим убожеством будет отталкивать Его Величество от остальных.

Антуана промолчала, делая вид, что абсолютно глуха и не замечает этих колкостей. Она нашла свободное место у массивной мраморной колонны и встала там, стараясь казаться спокойной, отстраненной и абсолютно уверенной в себе, но внутри все сжималось от обиды и гнева. Она сжала руки в кулаки, спрятанные в складках платья, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Внезапно общий гул голосов стал стихать, переходя в возбужденный, почти благоговейный шепот, а затем в зале воцарилась полная, гробовая тишина. Все головы повернулись к главному входу. В зал вошел он.

Король Дэймон.

Он был гораздо выше и импозантнее, чем она себе представляла. Высокий, широкоплечий, с фигурой воина, облаченный в простой, но безупречно сидящий на нем черный

дублет, отделанный лишь тонкой серебряной вышивкой по краям. Никаких украшений, никаких драгоценностей. Его темные, почти черные волосы были слегка отросшие, лицо с резкими, словно высеченными резцом великого мастера чертами, было абсолютно непроницаемым и холодным. Но больше всего Антуана, затаив дыхание, поразила его глазам. Холодные, серые, цвета зимней бури, они медленно, не торопясь, скользили по залу, и под этим взглядом казалось, что он не просто видит девушек, а сканирует их, взвешивает, оценивает и выносит безмолвный, беспристрастный приговор каждой из присутствующих. В них не было ни капли интереса, ни любопытства. Лишь тяжелая, давящая мощь и усталость от необходимости совершать этот ритуал.

Его взгляд, скользя по залу, на долю секунды задержался и на ней. Антуана почувствовала странный, почти физический толчок где-то в глубине груди, будто ее коснулись раскаленным железом или пропустили через нее разряд молнии. Она не опустила глаз, как учили, не смогла. Она просто застыла, загипнотизированная этой ледяной, всепоглощающей силой. В его взгляде не было ни одобрения, ни осуждения. Была лишь всепокрушающая мощь гранита и стали.

Затем, не выразив никаких эмоций, он отвел взгляд, и чары рассеялись. Антуана сглотнула ком, вставший в горле, чувствуя, как мелкая дрожь пробежала по ее спине. Она едва не поддалась панике, но вовремя вспомнила слова Марисы: «Уверенность — лучшая маскировка».

Рядом с королем, чуть поодаль, шли двое мужчин. Один — элегантный, лет сорока, с умными, насмешливыми глазами и легкой, почти постоянной улыбкой на тонких губах. Оскар де Кариамс. Лорд-советник. Другой — старик в простых, почти монашеских серых одеждах, с длинной, седой, как лунный свет, бородой и пронзительным, всевидящим взглядом, в котором, казалось, скопилась мудрость веков. В его жилистой руке был посох из темного, отполированного временем дерева, на набалдашнике которого мерцал тусклым светом крупный молочный кристалл. Харвид. Придворный маг. Наставник короля.

Король, не удостоив никого отдельным взглядом, поднялся на небольшое возвышение в конце зала и обернулся к собравшимся. Тишина стала абсолютной, можно было услышать, как потрескивают факелы в железных держателях на стенах.

— Дамы, — его голос был низким, бархатным, с легкой хрипотцой, но в нем не было ни капли тепла или приветливости. Он резал тишину, как отточенная сталь. — Вы прибыли сюда по моему приглашению. В течение этой недели вы будете гостить в моем замке. Вам будут созданы все условия для комфортного пребывания. В конце недели, на торжественном балу в канун Смены времен года, я объявлю о своем решении.

Он сделал небольшую, но очень выразительную паузу, и его холодный, пронзительный взгляд снова медленно обвел

зал, будто фиксируя в памяти каждое лицо.

— Помните одно. Вы — гости короля. И я ожидаю, что вы будете вести себя соответственно этому высокому статусу. Любой скандал, любое нарушение придворного этикета, любая попытка разрешить спор недостойными методами, — его взгляд на мгновение стал еще холоднее, — будут немедленно и бесповоротно караться изгнанием из замка. Без исключений. Лорд Оскар де Кариамс и лорд Харвид, — он слегка кивнул в сторону своих спутников, — будут наблюдать за всем происходящим и имеют полномочия действовать от моего имени. — Он снова сделал паузу, давая своим словам прочно осесть в сознании слушающих. — На сегодня все. Сенешаль Ренар разместит вас по отведенным покоем. Отдыхайте с дороги.

Не добавив больше ни слова, не пожелав удачи и не проявив никаких, даже формальных знаков вежливости, он резко развернулся и твердым, быстрым шагом вышел из зала в сопровождении Оскара и Харвида. Маг, проходя мимо, на мгновение, буквально на долю секунды, задержал свой пронизывающий, словно рентгеновский луч, взгляд на Антуане. Ей показалось, что в уголках его глаз собрались лучики морщин, словно от легкой, едва уловимой улыбки. Или ей это лишь почудилось в паническом состоянии?

Едва тяжелые дубовые двери за королем захлопнулись, как в зале снова поднялся гул голосов, на этот раз еще более громкий и возбужденный. Девушки начали расходиться,

бросая друг на друга колкие, полные ненависти и соперничества взгляды, их свиты и служанки засуетились, подхватывая многочисленные сундуки и шкатулки.

Антуана, почувствовав невероятное облегчение от того, что первая официальная часть закончилась, уже хотела последовать за сенешалем, как вдруг перед ней, словно из-под земли, возникла высокая, ослепительно красивая девушка с огненным каскадом медных волос, уложенных в сложнейшую прическу с вплетенными в нее нитями жемчуга, и с высокомерным, надменным выражением на безупречно правильном, но холодном лице. Ее платье из алого бархата, щедро расшитое золотыми нитями и мелкими рубинами, должно было стоять целое состояние, большее, чем все имущество тетки Урсулы и дяди Генриха, вместе взятое.

— Ну вот, Мариса Вольфант, — произнесла она, и ее голос был сладким, как самый изысканный мед, и острым, как отточенное лезвие бритвы. — Какая неожиданная и, надо сказать, весьма сомнительная встреча. Я была уверена, что твой отец окончательно разорился и не может позволить себе даже приличное, не говоря уже о модном, платье для дочки. — Она насмешливым, оценивающим взглядом окинула скромный, пусть и качественный, наряд Антуаны, и ее губы изогнулись в презрительной усмешке.

Антуана мгновенно вспомнила все, что говорила о них Мариса. «Аккентеры. Наши заклятые враги. Граф Ирвин — интриган и скряга. Его дочь Люсия — ядовитая змея.» Пе-

ред ней явно стояла та самая Люсия Аккентер.

Собрав всю свою волю, Антуана заставила себя улыбнуться легкой, почти безразличной улыбкой, которую она так долго репетировала перед зеркалом.

— Люсия, — ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно, холодно и чуть свысока. Она вспомнила главный урок — уверенность. — Мой отец, в отличие от некоторых, предпочитает вкладывать семейные средства в достойное образование и воспитание, а не в кричащие, безвкусные наряды, призванные компенсировать отсутствие и того, и другого. Но, полагаю, у каждого свои приоритеты. Не осужу.

Глаза Люсии сверкнули от бешенства, но на ее идеально накрашенных губах тут же заиграла еще более сладкая и ядовитая улыбка.

— О, я вижу, у тебя наконец-то прорезались зубки, милая мышка. Как мило. Надеюсь, за те несколько лет, что мы не виделись, ты успела подточить их получше, прежде чем явиться сюда. Потому что здесь, в этих стенах, тебе придется грызться по-настоящему. И не с такими, как я, — она сделала маленькую, изящную паузу, ее взгляд стал острым, как стилет, — а за куски гораздо крупнее. — Она наклонилась чуть ближе, и ее шепот стал едва слышным, но оттого не менее угрожающим. — И, знаешь, мне сегодня утром довелось услышать один весьма занимательный слухок. Будто бы настоящая Мариса Вольфант была замечена в своем родовом

поместье. В слезах. Сильно расстроенной. Странное совпадение, не находишь? Почти детективная история.

Ледяная, костлявая рука сжала сердце Антуаны, перехватывая дыхание. Как? Каким образом она могла узнать об этом так скоро? У нее были шпионы в поместье Вольфантов? Или это была просто удачная догадка, проверка на прочность? Она заставила себя рассмеяться — легким, серебристым, абсолютно фальшивым смешком, который тут же зазвучал в ее ушах.

— Слухи, дорогая Люсия, — удивительная вещь. Они, как сорняки, прорастают на самой скудной и неплодородной почве зависти и сплетен. Умная и образованная девушка, коей ты себя, несомненно, считаешь, не должна обращать на них ни малейшего внимания.

— О, я обращаю внимание на все, милочка, — мягко, почти ласково прошептала Люсия, и в ее глазах вспыхнули зеленые огоньки чистой злобы. — На каждую мелочь. На каждую неверную нотку в голосе, на каждый неуверенный жест, на каждую морщинку на неподобающе скроенном платье. И я обязательно, обязательно разберусь в этом маленьком совпадении. Обещаю тебе это.

С этими словами она повернулась и, словно королева, медленно и величаво поплыла прочь, оставив за собой шлейф тяжелого, удушающего запаха дорогих духов и ощущение явной, нешуточной угрозы, нависшей в воздухе.

Антуана стояла, чувствуя, как подкатывает тошнота и зем-

ля уходит из-под ног. Первая, пока еще вербальная, битва была проиграна. Люсия что-то знала. Или, по крайней мере, очень сильно подозревала. И она, что было ясно как день, не собиралась останавливаться.

Сенешаль Ренар, заметив ее бледность и легкую прострацию, вежливо, но настойчиво подошел снова.

— Мадемуазель Вольфант? Вам нехорошо? Дорога и все эти волнения, должно быть, сильно утомили вас. Позвольте, я немедленно провожу вас в ваши покои. Вам необходим отдых.

Антуана, не в силах вымолвить ни слова, лишь молча кивнула и пошла за ним, чувствуя, как десятки враждебных, любопытных и насмешливых взглядов провожают ее со всех сторон. Она была в логове волка. И самые опасные хищники здесь были не с клыками и когтями, а закутаны в шелка и бархат, вооружены ядовитыми языками, острыми умами и бездонными кошельками.

Ее проводили в комнату в западной башне замка. Она была небольшой, но уютной, с горящим в углу камином, кроватью под темно-синим балдахином, туалетным столиком с зеркалом в серебряной раме и одним узким, стрельчатым окном, выходящим на внутренний двор замка. Дверь с тяжелым железным засовом закрылась за сенешалем с глухим, окончательным стуком. Антуана прислонилась к ней спиной, закрыла глаза и наконец-то позволила себе дрожать всем телом. Колени подкашивались, сердце бешено колотилось, в

висках стучало.

Она слышала, как за окном пронесся и ударился о каменные стены замка порыв ветра. Он звучал не просто как ветер. Он звучал как предупреждение. Как зловещее обещание грядущей бури, которая должна была вот-вот обрушиться на ее хрупкую, едва начавшуюся ложь. Первый день только начался, а она уже была на волоске от полного и бесповоротного провала.

Внезапно в камине с громким, пугающим треском вспыхнуло одно из поленьев, отбрасывая на стены и потолок комнаты причудливые, пляшущие тени. И Антуане на одно короткое, промелькнувшее мгновение показалось, что одна из этих теней — высокая, сторбленная, с посохом в руке — приняла форму человека, прежде чем раствориться в клубах дыма и светотенях ночи.

Глава 4

Первая ночь в замке Сордэрс выдалась долгой и беспокойной. Антуана ворочалась на непривычно мягкой, утопающей перине кровати под темно-синим бархатным балдахинном. Каждый шорох за тяжелой дубовой дверью, каждый скрип половиц в старинном коридоре заставлял ее вздрагивать и вжиматься в подушки, сердце бешено колотясь в груди. Ей чудились шаги, приглушенные голоса, даже тихий, едва уловимый смех прямо за дверью ее комнаты. Рассвет застал ее сидящей на подоконнике узкого стрельчатого окна, кутающейся в тонкий, но плотный шерстяной плед и вглядывающейся в сизые, предрассветные сумерки, окутавшие замок и его бесконечные крыши, башенки и внутренние дворы. Где-то там была Мариса, была ее прежняя жизнь, был Гринфес, который наверняка не успокоился. И здесь, в этих стенах, ее поджидала Люсия Аккентер, чей ядовитый взгляд, казалось, до сих пор жег ей спину.

Ровно в шесть утра, как только первые лучи солнца коснулись верхушек самых высоких башен, в ее покои, постучавшись для виду, вошла служанка Наия. Женщина лет сорока, с лицом, хранящим следы былой красоты, и умными, внимательными, чуть грустными глазами. Ее темные волосы, с проседью у висков, были убраны под безупречно белый, накрахмаленный чепец. Движения ее были плавными, точны-

ми и беззвучными.

— Доброе утро, мадемуазель Вольфант, — ее голос был спокойным, низким и на удивление умиротворяющим. — Надеюсь, вы смогли отдохнуть. Вам прислали расписание на сегодня. — Она протянула Антуане небольшой лист плотного пергамента, испещренный каллиграфическим почерком. — После утренней трапезы в Малом тронном зале, которая начнется через час, все претендентки должны собраться в Зимнем саду для первого испытания.

Антуана, все еще чувствуя тяжесть бессонной ночи в висках, кивнула, стараясь скрыть нервную дрожь в руках. Испытание. Так скоро. Она надеялась, что у нее будет хотя бы день, чтобы освоиться, понять расстановку сил.

— Спасибо, Наия. Помогите мне, пожалуйста, одеться.

Облачаясь в одно из лучших платьев Марисы — небесно-голубое, из тончайшей шерсти, с изящной серебряной вышивкой в виде летящих птиц по подолу и рукавам, — Антуана ловила на себе внимательный, изучающий взгляд служанки. Та молча и профессионально помогала ей с многочисленными мелкими застежками, поправляла складки, заправляла шнуровку, но ее взгляд, казалось, видел гораздо больше, чем просто неудобно расположенную пуговицу или непослушную прядь волос. Он видел напряжение в плечах Антуаны, легкую дрожь в пальцах, тень под глазами.

— Вы чем-то обеспокоены, мадемуазель? — наконец тихо спросила Наия, закалывая последнюю серебряную шпильку

в сложную, но элегантную прическу, которую она с поразительной скоростью соорудила на голове Антуаны. — Первая ночь в новом месте всегда тревожна. Особенно в таких стенах.

— Просто волнуюсь перед испытанием, — честно призналась Антуана, не в силах лгать под этим спокойным, пронизательным взглядом. В этой женщине было что-то материнское, успокаивающее.

— Это естественно, — кивнула Наия, делая вид, что снова поправляет и без того безупречные складки платья. Она наклонилась чуть ближе, и ее шепот стал едва слышным. — Но будьте осторожней, мадемуазель. Не только на испытании. Стены здесь... Они не просто имеют уши. Они помнят. А цветы в Зимнем саду... Не все они так безобидны, как кажутся. Некоторые из них были привезены из самых темных уголков мира лордом Харвидом для его исследований.

Прежде чем Антуана успела что-то спросить, Наия отступила на шаг, и ее лицо снова стало бесстрастным и профессиональным, маской идеальной служанки. — Вы готовы, мадемуазель Вольфант. Вы выглядите прекрасно. Желаю вам удачи сегодня.

Спустившись в Малый тронный зал, Антуана застала уже почти всех претенденток. Пространство было заполнено шепотом шелков, бархата и парчи, звоном серебряных приборов о фарфор и легким, но густым облаком смешанных ароматов духов. Завтрак проходил в напряженной, неесте-

ственной тишине, нарушаемой лишь формальными, вежливыми фразами. Люсия Аккентер, сидевшая во главе одного из длинных столов, бросила на Антуану быстрый, насмешливый взгляд, но на этот раз не удостоила ее словами или новыми колкостями. Казалось, все ее силы, как и силы остальных девушек, были брошены на внутреннюю подготовку к предстоящему испытанию. Атмосфера была густой, как мед, и такой же сладкой и опасной.

Антуана заняла свободное место в конце стола, рядом с двумя тихими, скромно одетыми девушками, которые лишь украдкой переглядывались и почти не притрагивались к еде. Она и сама едва могла проглотить кусок поданного на закуску запеченного яблока с корицей. Вкус был восхитительным, но комок нервов в горле мешал насладиться им.

Ровно в назначенный час в зал вошел сенешаль Ренар и, откашлявшись, объявил:

— Дамы, если вы готовы, проследуйте, пожалуйста, за мной в Зимний сад для первого испытания.

Тихий, возбужденный гул прошел по залу. Девушки поднялись, поправляя платья и прически, и гуськом потянулись за сенешалем через лабиринт коридоров.

Зимний сад оказался фантастическим, почти нереальным зрелищем. Это был просторный зал под огромным стеклянным куполом, поддерживаемым ажурными металлическими конструкциями. Под сводами, упиравшимися в бледное утреннее небо, буйствовала жизнь, казалось, невозможная

для этой суровой северной страны. Пышные розы самых невероятных оттенков — от кроваво-алого до почти черного — цвели на искусно подстриженных кустах. Выющиеся растения с огромными, похожими на блюдца, цветами оплетали мраморные колонны. В центре сада бил фонтан в виде сплетения дельфинов, а вокруг него росли экзотические папоротники и странные растения с мясистыми, пятнистыми листьями. Воздух был теплым, влажным и густо напоен пьянящими, тяжелыми ароматами цветов, влажной земли и чего-то еще, пряного и незнакомого. Казалось, здесь навсегда остановилось лето, пойманное в стеклянную ловушку.

В саду, у фонтана, их уже ждали. Король Дэймон стоял в стороне, прислонившись к колонне, с тем же невозмутимым, отстраненным видом. Оскар де Кариамс, одетый с небрежной элегантностью, с легкой, загадочной улыбкой наблюдал за подходящими девушками. И старый маг Харвид, опиравшийся на свой знаменитый посох из темного дерева, казалось, был погружен в созерцание одного-единственного растения.

Рядом с магом на невысоком мраморном постаменте стоял простой глиняный горшок, а в нем рос один-единственный цветок. Это была роза, но роза невероятной, потусторонней красоты. Ее лепестки были цвета расплавленного золота и, казалось, светились изнутри мягким, теплым, живым светом, отбрасывая на белый мрамор постамента мерцающие блики. От нее исходило едва уловимое, но осязаемое

тепло, словно от маленького солнца.

— Дамы, — начал Оскар, привлекая всеобщее внимание. Его голос был приятным, хорошо поставленным, он легко заполнял собой пространство сада. — Добро пожаловать в сердце лета посреди зимы. Наше первое испытание потребует от вас не столько знаний этикета или истории, сколько кое-чего более глубинного. Чуткости. Интуиции. И внутренней теплоты.

Он сделал паузу, давая своим словам проникнуть в сознание слушательниц.

— Перед вами Огненная Роза Аш-Кариона. Раритет, привезенный лордом Харвидом из-за Великой Пустыни. Этот цветок крайне чувствителен к определенным вибрациям, к магии жизни, если хотите, и к искренним, незамутненным намерениям. Ваша задача предельно проста: подойти к розе и медленно протянуть к ней руку. Не прикасаться, просто приблизить ладонь на расстояние примерно в ладонь.

Он обвел взглядом собравшихся девушек, на лицах которых отразилось смесь недоумения, страха и любопытства.

— Роза откликнется на ту, в ком есть искра подлинной внутренней силы, чистой и незамутненной фальшью, при творством или темными помыслами. Она может расцвести пышнее, ее свет может усилиться, стать ярче или же она может остаться совершенно равнодушной. — Оскар улыбнулся. — Это не соревнование в общепринятом смысле. Скорее демонстрация вашей подлинной сути. Прошу, начнем.

По залу прошел возбужденный, приглушенный шепот. Антуана почувствовала, как ее ладони стали холодными и влажными. Это было испытание магией. То, к чему она была абсолютно не готова. Она вспомнила странную, почти улыбку Харвида, брошенную на нее вчера. «Чувствительна к магии жизни». А что, если у нее, Антуаны Лерграс, воспитанной в нужде и не знавшей ничего, кроме упреков, этой силы нет? Что, если роза не отреагирует вообще? Это сразу выставит ее самозванкой, ведь у любой знатной девушки, пусть и из захудалого рода, должен быть хоть какой-то, пусть и минимальный, врожденный дар, капля магии в крови. Ее отсутствие будет кричать о подлоге громче любого обвинения Люсии.

Первой, не дожидаясь приглашения, вызвалась Люсия. Она вышла вперед с надменной, уверенной улыбкой, ее алое платье казалось вызовом всему этому природному великолепию. Она грациозно подошла к розе, ее движение было выверенным, как у танцовщицы, и так же медленно, демонстративно протянула изящную руку с длинными пальцами. Золотистые лепестки дрогнули, но не так, как того, вероятно, ожидала Люсия. Их внутренний свет не усилился, а наоборот, на мгновение померк, стал холодным, тусклым, почти угас, и от цветка потянуло легким, едва уловимым запахом гари. По залу прошел разочарованный, но в то же время злорадный вздох. Люсия, ее улыбка мгновенно сменилась гримасой ярости, сжав губы до белизны, резко отдернула руку

и отошла, бросив на цветок взгляд, полный такой ненависти, что, казалось, он мог бы испепелить его на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.